

THE

SPLENDOR

ΕΚΥΡΟΤΗΤΗ

KAIIVERSE

Егор Курочкин

The Splendor. Origin

<https://litres.ru/74523677>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нью-Йорк, 2020 год. Мир изменился навсегда после «Пробуждения» — внезапной вспышки магического гена. Теперь улицы города окутаны мраком и страхом.

Эсквайр не помнит своего прошлого. Всё, что у него есть — странная способность изменять форму металла и пугающая пустота в голове. Пока он пытается по крупицам собрать свою личность, город содрогается от терактов Доктора Гравити. Антагонист готов обрушить небоскребы, чтобы доказать: мир принадлежит новым богам.

В мире, где доверие разрушено, Эсквайру придется выбрать сторону. Сможет ли он принять нового себя и остановить хаос, прежде чем Нью-Йорк окончательно погрузится в гравитационную бездну?

Содержание

Где заканчиваюсь я и начинается сталь	4
Как рушится воздух	18
Сильнее любой стены	24
Двадцать лет тишины и тайн	38
Лицо без имени	47
Предел притяжения	60
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Егор Курочкин

The Splendor. Origin

Где заканчиваюсь я и начинается сталь

Пробуждение не было похоже на мягкий выход из сна. Оно больше напоминало удар кувалдой по затылку, после которого тебя внезапно швырнули в ледяную воду. Побитый мужчина распахнул глаза, и мир вокруг него взорвался калейдоскопом из серой пыли и болезненно-яркого света, пробивающегося сквозь грязные жалюзи.

В горле пересохло так, словно он всю ночь жевал дорожную пыль.

Он лежал на полу, ощущая щекой холодный, липкий линолеум. В нос ударил резкий запах дешевого кофе, старого табака и чего-то еще — сладковатого, металлического, вызывающего инстинктивный позыв к тошноте. Нью-Йорк за окном не умолкал: сирены, визг тормозов и бесконечный гул многомиллионного улья просачивались сквозь тонкие стены, превращаясь в одну сплошную головную боль.

— Мать божья... — прохрипел он, пытаясь разлепить веки. — Если я вчера праздновал, то надеюсь, это была по-

беда в лотерее, а не поминки по здравому смыслу.

Голос прозвучал чуждо, как будто говорил кто-то другой. Эсквайр— это имя всплыло в сознании само собой, словно ярлык на папке с пустыми файлами. Кто он? Где он? И какого черта в этой комнате так много теней, которые, кажется, шевелятся сами по себе? Попытка подняться закончилась тем, что мир качнулся вправо. Он ухватился за край старого облезлого стола, пальцы судорожно сжались, ища опоры. Тревога, до этого тлевшая где-то в районе солнечного сплетения, вспыхнула жарким пламенем.

Что-то было не так. Совсем не так.

Он окинул взглядом комнату. Квартира-студия в стиле «упадок и разрушение». Облезлые обои, гора пустых коробок из-под пиццы и старый телевизор с ЭЛТ-экраном, который тихо шипел, транслируя серые помехи. На тумбочке стояла металлическая лампа, чье основание было покрыто слоем ржавчины.

— Ну же, вспомни хоть что-нибудь, — пробормотал он, прижимая ладонь к пульсирующему виску. — Имя? Есть. Город? Нью-Йорк. Год? 2020-й. Профессия? Э-э... профессиональный страдалец с похмельем?

Эсквайр протянул руку к тяжелой железной пепельнице, стоявшей на краю стола. Ему нужно было почувствовать что-то твердое, осязаемое. Вес реальности. Но как только его пальцы коснулись холодного металла, произошло нечто немыслимое. Вместо того чтобы ощутить сопротивление

твёрдой поверхности, он почувствовал, как металл поддается.

Словно это был не чугун, а мягкая, теплая ириска.

Он вскрикнул и отдернул руку, но было поздно. Пепельница деформировалась. Там, где были его пальцы, остались глубокие вмятины, а сам край предмета вытянулся вверх, превратившись в тонкую, блестящую иглу, устремленную в потолок.

— Какого... — Эсквайр замер, глядя на свои руки.

Они выглядели обычными. Мозоли на ладонях, сбитые костяшки, легкая дрожь. Никакого свечения, никаких искр. Просто руки человека, который, судя по всему, давно не видел маникюрного набора. Он снова, медленно и осторожно, коснулся ножки настольной лампы.

Металл потек. Это было тошнотворное, противоестественное ощущение. Сталь растягивалась под его пальцами, как густая патока. Он не просто гнул её — он менял саму структуру, заставляя молекулы танцевать под его кожей. Лампа превратилась в уродливую спираль, верхушка которой бессильно поникла, продолжая при этом светить тусклым желтым светом.

— Окей, — выдохнул он, чувствуя, как по спине пробежал ледяной пот. — Либо я все еще сплю, либо кто-то подсыпал мне в кофе радиоактивные отходы.

Он резко встал, и на этот раз равновесие не подвело. В голове пульсировала одна мысль: бежать. Но куда бежать от

самого себя? В панике он схватился за дверную ручку, намереваясь выскочить в коридор. Железо под его ладонью мгновенно размякло. Ручка удлинилась, превращаясь в длинный металлический жгут, который обвился вокруг его запястья, словно живая змея.

— Твою мать! Отпусти! — выкрикнул он, дергаясь всем телом.

Металл слушался его страха. Чем сильнее он паниковал, тем податливее становились окружающие предметы. Кровать, имевшая железный каркас, жалобно скрипнула и начала менять форму, ее спинка вытянулась в тонкие нити, которые потянулись к нему, словно щупальца.

Эскавайр замер. Он заставил себя сделать глубокий вдох.

— Дыши, — скомандовал он себе. — Просто дыши. Это физика. Наверное. Очень странная, извращенная физика Нью-Йорка.

Он закрыл глаза, пытаясь унять колотящееся сердце. Тревога не уходила, она трансформировалась в глухое рычание внутри черепа. Когда он снова открыл глаза, «щупальца» кровати застыли в причудливых позах. Металл снова стал твердым.

Тихое шипение телевизора внезапно сменилось резким звуком. Помехи исчезли, и на экране появилось лицо диктора. Женщина выглядела испуганной, ее голос дрожал, перекрываемый шумом вертолетных винтов.

— ...продолжаем следить за ситуацией в центре. Полиция

Нью-Йорка подтверждает информацию о массовых разрушениях. Очевидцы сообщают о человеке, который буквально управляет гравитацией. Власти призывают граждан не покидать свои дома. Специалисты связывают происходящее с так называемым «магическим геном», но официальных подтверждений пока нет...

Экран мигнул, показывая кадры с места событий: огромный кусок асфальта медленно поднимался в воздух, переворачивая припаркованные машины, словно детские игрушки. В центре этого хаоса стояла массивная фигура в огромном металлическом костюме, походящим на футуристический скафандр. Доктор Гравити.

Эсквайр почувствовал, как в затылке кольнуло. Это имя... оно было знакомым. Не как имя друга, а как предчувствие катастрофы.

— Гравитация, значит? — криво усмехнулся он, глядя на свои пальцы, на которых все еще оставались следы металлической пыли. — А я, выходит, мастер по художественной лепке из арматуры? Отличное распределение ролей.

Он подошел к зеркалу, висевшему на двери ванной. На него смотрел мужчина лет тридцати с небритым лицом и глазами, в которых плескался первобытный ужас, смешанный с болезненным любопытством. Он не узнавал это лицо, но в глубине души знал, что оно принадлежит ему.

На раковине лежал старый стальной бритвенный станок. Эсквайр протянул руку, колеблясь. Его пальцы едва косну-

лись лезвия. Металл тут же отозвался, вытягиваясь в тончайшую, прозрачную нить, которая начала вибрировать в такт его пульсу.

— Ты — фрик, приятель, — прошептал он своему отражению. — Настоящий, сертифицированный урод.

Внезапно в дверь постучали. Это не был вежливый стук соседа, просящего соль. Это были тяжелые, размеренные удары, от которых содрогалась вся дверная коробка.

— Открывай, Эсквайр! — раздался густой, вибрирующий голос из-за двери. — Мы знаем, что ты проснулся. Пора платить по счетам и показать, на что ты способен.

Тревога внутри него переросла в чистый адреналин. Он посмотрел на дверь, которая уже начала деформироваться под натиском неизвестных гостей. Ручка двери, которую он до этого превратил в жгут, все еще висела на его запястье, медленно затвердевая.

— Знаете что? — крикнул он, чувствуя, как внутри него закипает странная, темная сила. — У меня сегодня очень плохой день.

Он шагнул к двери, и пол под его ногами отозвался металлическим скрежетом. Гвозди начали выходить из досок, вытягиваясь и заостряясь, превращаясь в частокол из игл. Весь металл в комнате — от кухонных ножей до каркаса телевизора — начал вибрировать, откликаясь на его гнев.

Он не знал, кто он такой. Он не знал, почему металл ведет себя как пластилин. Но одно он понимал четко: тот, кто

стоит за дверь, совершил большую ошибку, придя именно сегодня.

Эскавайр коснулся стены рядом с косяком, и стальные балки внутри бетонной конструкции отозвались стоном. Он почувствовал их — холодные, крепкие, скрытые. Одним волевым усилием он заставил их расшириться.

Дверь вылетела вместе с петлями, но не внутрь, а наружу, превратившись в бесформенный ком искореженного железа, который снес незваных гостей в коридор.

— Ой, — иронично произнес он, выходя в облако пыли. — Кажется, я переборщил с растяжкой.

В коридоре стояли двое мужчин в тактической экипировке без опознавательных знаков. Один из них пытался высвободить ногу из-под завала, который еще минуту назад был надежной входной дверью. Второй вскинул автомат, но Эскавайр лишь повел рукой в воздухе.

Дуло автомата мгновенно завязалось в аккуратный бантик.

— Это было дорогое оборудование! — крикнул наемник, в ужасе глядя на свое оружие.

— Вычти из моей страховки, — огрызнулся Эскавайр. — Если, конечно, найдешь мой полис в этом бардаке.

Он чувствовал, как мир вокруг него становится пластичным. Страх все еще был здесь, но теперь он превратился в топливо. Нью-Йорк 2020 года был городом безумия, и Эскавайр, похоже, только что получил в нем VIP-пропуск.

— Кто вас послал? — спросил он, подходя к придавленному наемнику. — И почему у меня такое чувство, что «Эс-квайр» — это не имя, а диагноз?

Наемник лишь хрипел, глядя на него с нескрываемым ужасом. В его глазах отражался не человек, а нечто иное — существо, способное превратить современную цивилизацию, построенную на стали и бетоне, в груды бесполезного мусора.

Где-то вдалеке снова гроыхнуло. Это был не гром. Это Доктор Гравити продолжал свой манифест в центре города.

Эсквайр посмотрел на свои руки. На пальцах остались тонкие серебристые прожилки, которые медленно угасали под кожей.

— Похоже, пора прогуляться, — сказал он сам себе, переступая через поверженного врага. — Заодно спрошу у этого гравитационного маньяка, не знает ли он, где здесь выдают инструкции к новой жизни.

Он вышел на лестничную клетку, чувствуя, как каждая ступенька, каждый перила и каждая труба в этом здании шепчут ему о своей готовности измениться. Город ждал. И Эсквайр был готов растянуть эту реальность до самого предела.

Холодный утренний воздух Нью-Йорка ударил по обнаженной груди, словно ледяной хлыст. Эсквайр вывалился из дверного проема своего дома, тяжело дыша и едва не споткнувшись об искореженную грудку металла, которая еще ми-

нуту назад была его входной дверью. Город, всегда шумный и агрессивный, сейчас превратился в декорацию к фильму о конце света, где режиссер окончательно сошел с ума. Над головой, зажатый между двумя кирпичными фасадами, неподвижно висел желтый таксомотор, его колеса лениво покручивались, не касаясь земли. Гравитация здесь больше не была законом, она превратилась в чье-то капризное пожелание.

Он бежал. Тяжело, вбивая пятки в раскрошенный бетон, пока в легких не начало жечь. На нем были только помятые брюки и остатки рубашки, свисающие с плеч грязными лоскутами. Прохожие, обезумевшие от ужаса, метались по тротуарам, сталкиваясь друг с другом и не замечая полуголового человека, чьи руки подергивались в такт пульсации невидимых стальных жил под асфальтом. Эсквайр чувствовал каждую трубу, каждый силовой кабель и каждую арматурную решетку в радиусе пятидесяти метров. Город перестал быть нагромождением камня; он стал для него гигантским, вибрирующим скелетом из железа.

Впереди, в паре миль к югу, небо над Таймс-сквер закручивалось в серую воронку. Там, в самом эпицентре этого безумия, Доктор Гравити вырывал куски реальности из привычного контекста.

— Куда-то торопишься, сладкий? — Голос прозвучал прямо над ухом, вкрадчивый и холодный, как лезвие бритвы, прижатое к горлу.

Эсквайр резко затормозил, едва не вписавшись в пожар-

ный гидрант. Прямо перед ним, преграждая путь, из ниоткуда начало сочиться странное серое облако. Оно не было похоже на выхлопные газы или туман — это был густой, едкий дым, пахнувший дешевым табаком и старым пеплом. Дым быстро уплотнялся, приобретая очертания высокой женской фигуры. Через секунду перед ним стояла женщина в облегающем кожаном костюме, чьи глаза горели нехорошим, лихорадочным блеском. В ее пальцах тлела тонкая сигарета, хотя было непонятно, где заканчивается ее дым и начинается она сама.

— Ты еще кто такая? — хрипло выдавил Эсквайр, чувствуя, как внутри него просыпается инстинктивная тяга к металлу гидранта.

— Зови меня Вендетта, — она выпустила облако серой взвеси прямо ему в лицо. — И я здесь для того, чтобы ты не совершил самую большую ошибку в своей короткой новой жизни.

Эсквайр поморщился, отмахиваясь от запаха гари. В голове зашумело. Каждый его нерв кричал о том, что нужно двигаться дальше, туда, где небо падает на землю.

— Уйди с дороги, Вендетта. У меня свидание с тем парнем, который заставил машины летать. Мне нужны ответы.

— Ответы? — Она усмехнулась, и этот звук напомнил шелест сухой листвы. — У Гравити нет для тебя ответов, только могила размером с этот квартал. Ты еще сырой, Эсквайр. Ты едва научился не превращать свой завтрак в стальные опил-

ки, а уже лезешь в драку к богам.

Она сделала шаг вперед, и ее тело на мгновение стало прозрачным, сквозь него виднелись разбитые витрины магазина электроники. Она протянула руку, чтобы схватить его за плечо, но Эсквайр среагировал быстрее. Он не думал, он просто позволил воле выплеснуться наружу. Стальная крышка гидранта с оглушительным скрежетом сорвалась с резьбы и, повинаясь его жесту, пролетела в дюйме от лица женщины.

Вендетта не вздрогнула. Ее фигура рассыпалась на тысячи серых клочьев, пропуская снаряд сквозь себя, и тут же собралась за его спиной.

— Грубо, — прошептала она, и он почувствовал, как холодные пальцы, пахнущие смолой, коснулись его затылка. — Но предсказуемо.

— Я не просил меня спасти, — огрызнулся он, резко разворачиваясь.

Он ударил наотмашь, пытаясь достать ее, но кулак лишь рассек пустое облако. Вендетта перемещалась с издевательской легкостью, превращаясь в струйку дыма и возникая то слева, то справа.

— Это не спасение, это инвестиция, — ее голос теперь доносился откуда-то сверху, с козырька подъезда. — Ты — носитель редкого гена, приятель. Таких, как мы, мало, а живых и вменяемых — еще меньше. Если ты сейчас пойдешь к Гравити, он либо размажет тебя по асфальту, либо сделает своим цепным псом. Тебе оно надо?

— Мне надо вспомнить, кто я такой! — закричал Эс-
квайр, и от его крика ближайший фонарный столб жалобно
застонал, сгибаясь под немыслимым углом. — Я проснулся в
дерьме и пыли, не понимая, почему могу гнуть сталь взгля-
дом. Если этот гравитационный урод — единственный, кто
знает правду, я вытрясу ее из него.

Он снова бросился вперед, но Вендетта преградила ему
путь, материализовавшись прямо перед его носом. На этот
раз она не улыбалась.

— Гравити не учитель, он — мясник. Посмотри вокруг,
идиот!

Она указала рукой в сторону Таймс-сквер. В этот мо-
мент раздался оглушительный грохот, и земля под ногами
содрогнулась. Огромная рекламная панель, оторванная от
стены небоскреба, медленно, словно в густом сиропе, поплы-
ла вверх, а затем резко, в одно мгновение, рухнула вниз, по-
гребая под собой несколько брошенных автомобилей. Взрыв
пыли и звон разбитого стекла на мгновение заглушили все
остальные звуки города.

— Видишь? — Вендетта схватила его за локоть, и на этот
раз ее хватка была вполне осязаемой и железной. — Он про-
сто демонстрирует силу. Ему плевать на твое прошлое и на
твой ген. Пойдем со мной. Есть люди, которые помогут тебе
во всем разобраться.

Эскавайр посмотрел на ее руку, затем на свое отражение в
осколке витрины. Полуголый, покрытый копотью и кровью,

с безумными глазами — он выглядел как зверь, сорвавшийся с цепи. И этот зверь хотел крови.

— Отпусти, — тихо сказал он.

— Нет. Я не позволю тебе сдохнуть так глупо.

— Я сказал: отпусти.

Внутри него что-то щелкнуло. Это было похоже на то, как смыкаются контакты в мощном рубильнике. Эсквайр не просто почувствовал металл — он стал его частью. Арматурные прутья под тротуаром отозвались на его ярость, они начали изгибаться, взламывая бетон и вырываясь наружу, словно гигантские стальные черви. Сеть труб под их ногами запульсировала, давление подскочило до критической отметки.

Вендетта попыталась снова превратиться в дым, но Эсквайр заставил частицы металлической пыли, витающей в воздухе, закружиться вокруг нее плотным кольцом. Магнетизм и воля создали клетку, через которую дым не мог просочиться так просто.

— Что ты делаешь? — в ее голосе впервые промелькнула нотка тревоги.

— Я иду в центр, — Эсквайр шагнул к ней, и его кожа в свете разрядов приобрела странный свинцовый оттенок. — А ты можешь либо лететь следом и дымить в сторонке, либо убираться к черту.

Он сделал резкий пас рукой, и стальные прутья, вырвавшиеся из земли, переплелись, создавая подобие стены между ним и девушкой. Бетон крошился, пыль забивала глаза,

но он не останавливался.

Вендетта, наконец, вырвалась из его импровизированной ловушки, превратившись в тонкую серую ленту, которая взмыла к крышам домов.

— Ты пожалеешь об этом, Эсквайр! — донесся ее голос, тающий в грохоте города. — Гравитация — суровая сука, и она не прощает ошибок!

Он не ответил. Ему было все равно. С каждым шагом в сторону центра города он чувствовал, как вибрация металла становится сильнее, почти оглушительной. Это была музыка хаоса, и он был единственным, кто знал ее ноты.

Как рушится воздух

Нью-Йорк продолжал умирать. Люди кричали, небо сворачивалось в узел, а полуголый человек с серебристыми прожилками на руках бежал навстречу своей судьбе, не зная, станет ли он героем этой истории или ее последней жертвой. Он чувствовал, как городская сталь приветствует его, скрежеща и деформируясь при его приближении. Теперь он не был просто потерянным человеком с амнезией. Он был стихией, которую невозможно было удержать сигаретным дымом или добрыми советами.

Где-то впереди Доктор Гравити поднял в воздух целый автобус с людьми. Эсквайр стиснул зубы. Его кулаки произвольно сжались, и проходящий мимо металлический забор превратился в грудку смятой фольги.

— Сейчас узнаем, чья физика круче, — прошептал он, ускоряясь. — Если ты хотел шоу, Доктор, то я принес реквизит.

Он скрылся в облаке пыли и дыма, оставляя за собой след из искореженного металла и разрушенных надежд на спокойное утро. Город ждал финала, и этот финал обещал быть тяжелым во всех смыслах этого слова.

Таймс-сквер превратился в карусель из битого стекла, рекламных щитов и человеческого воя. Пространство здесь ломалось, как старая пластинка: в одном метре от асфальта

можно было парить, а в десяти — превратиться в блин под давлением невидимого пресса. Посреди этого архитектурного аборта возвышался Доктор Гравити. Его костюм напоминал помесь глубоководного батискафа и танка: три метра полированной брони, гидравлические суставы, рычащие при каждом движении, и матово-черный шлем, в котором не отражалось ни одного огонька Таймс-сквер. Вокруг него кружили ошметки реальности, создавая ореол из мусора и хаоса.

Эсквайр затормозил, чувствуя, как под подошвами пульсирует раскаленный металл подземных коммуникаций. Город стонал под весом Гравити, и этот стон отзывался в зубах Эсквайра невыносимым зудом. Ему нужно было оружие. Что-то поувесистее кулаков и поострее собственного языка.

Взгляд зацепился за два покосившихся фонарных столба, чьи плафоны давно разлетелись в пыль. Эсквайр сделал глубокий вдох, ощущая, как внутри разворачивается невидимая пружина. Он не просто коснулся холодного железа — он позвал его. Сталь отозвалась охотно, почти с восторгом. Тяжелые опоры начали плавиться, превращаясь в густую, маслянистую массу, которая потекла прямо к его рукам. Металл обволакивал ладони, уплотнялся, вытягивался, пока в каждой руке не оказалось по длинному, зазубренному клинку. Это не были изящные сабли из музея — это были два уродливых, тяжелых лома, заточенных волей безумца.

— Эй, Консервная банка! — крикнул Эсквайр, перекры-

вая гул турбин костюма. — Кажется, у тебя протекает гидравлика. Или это ты так потеешь от страха?

Доктор Гравити медленно повернул массивный шлем. Из динамиков донесся голос, похожий на скрежет литосферных плит.

— Ты — аномалия, которая считает себя героем. Но в моем мире даже свет подчиняется массе. Ты просто пыль, парень. Пыль, которую пора подмести.

Механический гигант поднял руку, и Эсквайр почувствовал, как мир вокруг него стал весить вдесятеро больше. Воздух превратился в свинец. Каждый шаг давался с таким трудом, будто он пытался бежать по дну океана из ртути. Но Эсквайр не собирался сдаваться. Он вонзил один из своих стальных мечей в асфальт, используя его как рычаг, и рванулся вперед, выплескивая всю ярость в этот рывок.

Первый удар пришелся в коленный сустав робота. Искры брызнули фонтаном, визг металла резанул по ушам. Меч Эсквайра оставил глубокую борозду на броне, но Гравити даже не пошатнулся. Вторая стальная полоса описала дугу, целясь в сочленение плеча, но в этот момент Доктор просто сжал кулак. Гравитационный колодец всхлопнулся прямо перед Эсквайром, отбрасывая его назад, словно теннисный мячик.

— Слабо, — констатировал Гравити, делая шаг. Бетон под его ногой взорвался крошкой. — Ты полагаешься на магнетизм, но забываешь, что даже ядра планет подчиняются мне. Эсквайр перекатился, с трудом сглатывая кровь, напол-

нившую рот. Его мечи погнулись, превратившись в нелепые крючья, но он заставил их снова выпрямиться. Боль в мышцах стала фоном, монотонным шумом, который он научился игнорировать. Он бросился в новую атаку, пытаясь зайти с тыла, скользя по искореженным кузовам такси. Он был быстр, но Гравити был везде. Пространство вокруг доктора искажалось, преломляя траектории ударов. Эсквайр бил в корпус, но его мечи соскальзывали, будто натыкались на невидимую сферу.

Очередной замах закончился катастрофой. Гравити поймал один из клинков прямо в воздухе. Механическая хватка была абсолютной. С коротким смешком Доктор просто сжал пальцы, и сталь, которую Эсквайр считал частью себя, рассыпалась в пыль. Второй клинок Эсквайр успел вонзить в нагрудную пластину, но это лишь раззадорило врага. Мощный удар бронированным кулаком в грудь отправил Эсквайра в полет сквозь витрину ближайшего кафе.

Мир взорвался осколками стекла и запахом прогорклого кофе. Эсквайр лежал среди разбитых столов, пытаясь понять, почему его легкие отказываются работать. Над ним навис Гравити, загораживая остатки неба. Доктор поднял ногу, собираясь закончить эту партию одним коротким движением.

— Прощай, магнитный человек. Твоя масса была слишком незначительна для этого мира.

В этот момент из серого марева, все еще окутывавшего

улицу, вынырнула Вендетта. Она не шла — она скользила, превращаясь в струйку дыма и тут же обретая плоть. Рядом с ней шагал парень, который выглядел так, будто только что сбежал с пляжной вечеринки на Ибике, если бы не странная аура жара, исходившая от него. На его лице красовались широкие зеркальные очки, за которыми скрывалось что-то пугающе яркое.

— Поверить не могу, что ты все-таки вляпался, — лениво бросила Вендетта, глядя на Эсквайра через плечо. — Знакомься, это Всполох. Он сегодня заменяет солнце.

Всполох коротко кивнул, не снимая очков. Его движения были резкими, дергаными, как у человека, выпившего ведро эспresso.

— Этот консервный завод мешает мне наслаждаться видом, — голос Всполоха вибрировал от скрытой энергии. — Гравитация? Серьезно? Друг, ты застрял в девятнадцатом веке.

Доктор Гравити переключил внимание на новичков. Его системы наведения зажужжали, фиксируя цели.

— Еще двое. Больше массы для моей коллекции.

Всполох лишь ухмыльнулся и коснулся пальцами виска, слегка сдвинув край очков. Этого было достаточно. Из-под оправы вырвался луч такого ослепительного, яростного света, что тени на стенах зданий удлиннились и задрожали. Между Всполохом и Гравити начал формироваться шар чистого, концентрированного пламени. Он не горел — он вибриро-

вал, выжигая кислород в радиусе пяти метров.

— Зажмурьтесь, детки, — посоветовал Всполох.

Одним легким движением он отправил огненную сферу вперед. Снаряд пролетел расстояние до Гравити мгновенно, оставляя за собой выжженную полосу на асфальте. Взрыв был не громким, но сокрушительным. Это был хлопок сверхновой в миниатюре. Гравитационное поле Доктора на мгновение схлопнулось, не выдержав тепловой нагрузки, и бронированный гигант пошатнулся, окутанный белым пламенем.

Вендетта не теряла времени. Она схватила ошеломленного Эсквайра за шиворот, одновременно цепляя Всполоха за локоть.

— Пора делать ноги, пока этот самовар не остыл и не разозлился по-настоящему!

Ее тело начало стремительно распадаться. Серый, едкий дым хлынул изо всех пор ее костюма, обволакивая троицу плотным коконом. Эсквайр почувствовал странное ощущение невесомости — не той, что дарил Гравити, а легкой, почти призрачной. Мир вокруг него размылся, превращаясь в серые полосы. Скрежет металла, крики и жар пламени остались где-то там, за завесой пепла.

Сильнее любой стены

Через секунду они уже были далеко от Таймс-сквер. Последнее, что увидел Эсквайр перед тем, как окончательно провалиться в спасительное беспамятство, была яростная вспышка огня, разрезающая сумерки Нью-Йорка.

Мир перестал быть серым и текучим внезапно, словно кто-то с силой захлопнул тяжелую книгу. Эсквайра вышвырнуло из облака едкого дыма прямо на бетонный пол, покрытый многолетним слоем маслянистой пыли. В легких все еще горело, а перед глазами плясали оранжевые пятна — отголоски яростного пламени Всполоха. Он попытался вдохнуть, но вместо чистого воздуха зачерпнул густую смесь из запаха старой ветоши, ржавчины и застоявшейся воды.

— Добро пожаловать в пятизвездочные апартаменты «У Грязного Джо», — раздался над ухом бодрый, почти издевательский голос Всполоха. — Тапочки не предлагаю, сервис здесь хромает на обе ноги.

Эсквайр приподнялся на локтях, чувствуя, как под ладонями хрустит мелкая кирпичная крошка. Они находились в огромном помещении, которое когда-то, судя по остаткам конвейерных лент и массивным станинам станков, было сборочным цехом. Высокие узкие окна под самым потолком были забиты листами фанеры, и лишь сквозь редкие щели пробивались тусклые лучи заходящего солнца. В этом полумра-

ке цех казался скелетом гигантского ископаемого зверя, чьи стальные ребра медленно пожирала коррозия.

Вендетта стояла чуть поодаль, медленно обмахиваясь ладонью, будто отгоняя остатки собственного дыма. Ее костюм был в нескольких местах опален, но она выглядела пугающе спокойной. Всполох же, напротив, всю красовался. Он снял свои зеркальные очки, обнажив глаза, которые в полумраке мерцали, как два тлеющих угля, и принялся отряхивать невидимые пылинки с плеча.

— Ты как, герой-самоучка? — бросила Вендетта, даже не глядя в сторону Эсквайра. — Если собираешься блевануть, делай это в тот угол. Там уже и так целая экосистема зародилась.

Эсквайр промолчал, с трудом поднимаясь на ноги. Его шатало. Тело казалось чужим, тяжелым, а пальцы все еще зудели от недавнего контакта с металлом. Он помнил, как плавил сталь, как чувствовал ее молекулярную решетку, словно податливый воск. Но сейчас внутри была пустота. Странная, гулкая тишина, которая пугала больше, чем гравитационные колодцы Доктора Гравити.

— Где мы? — выдавил он наконец. Голос звучал так, будто он долго жевал наждачную бумагу.

Всполох хохотнул, подкидывая в воздухе какую-то деталь, найденную на полу.

— В месте, где вопросы задаем не мы. Скажи спасибо, что Вендетта успела вытащить твою задницу. Еще пара секунд,

и Доктор сделал бы из тебя аккуратный куб для пресса.

Внезапно тени в глубине цеха шевельнулись. В центре комнаты, там, где свет из щели в фанере падал наиболее ровно, материализовалась фигура. Это не было магическим исчезновением или эффектным выходом из дыма. Человек просто вышел из темноты, медленно и размеренно, словно всегда там находился, ожидая подходящего момента.

Это был мужчина средних лет, чья внешность диссонировала с окружающей разрухой. Строгий темно-серый костюм, идеально выглаженная сорочка без галстука. Короткая бородка была тронута сильной сединой, придававшей ему сходство с университетским профессором или опытным юристом. Однако в его осанке и том, как он держал руки — расслабленно, но в любой момент готовыми к действию — чувствовалась скрытая, дисциплинированная угроза.

Эскавайр замер. Волна необъяснимой тревоги, холодная и липкая, прокатилась по позвоночнику. Ему показалось, что воздух вокруг этого человека стал густым, как застывающий клей. Звуки капающей воды и далекий гул города вдруг смолкли. Осталось только тяжелое, ритмичное биение собственного сердца.

— Мастер, — коротко бросила Вендетта, в ее голосе впервые промелькнули нотки настоящего уважения, смешанного с опаской.

— Ты опоздала на четыре минуты, — голос незнакомца был ровным, лишенным эмоций. — И привела хвост из лиш-

них проблем.

В голове у Эсквайра что-то щелкнуло. Память, которой не было, подсунула странный образ: клетка, темнота и ощущение полной беспомощности. Этот человек, его спокойствие, эта тишина вокруг него — всё кричало об опасности. Ловушка. Это определенно была еще одна западня. Гравити бил снаружи, а этот будет пытаться изнутри.

Взгляд Эсквайра метнулся по полу. Среди мусора и грязи он заметил маленькое тусклое пятнышко — обычную старую канцелярскую скрепку, покрытую рыжим налетом ржавчины. Он не раздумывал. Он просто протянул руку, вызывая к той силе, что спасла его на Таймс-сквер.

Металл отозвался. Скрепка дрогнула, а затем с резким, противным визгом начала раздуваться. Ее тонкая проволока утолщалась, вытягивалась, ржавчина осыпалась хлопьями, обнажая хищный, зеркальный блеск свежесозданной стали. За доли секунды в руке Эсквайра оказался тяжелый, угловатый меч с грубой рукоятью. Это было уродливое оружие, созданное из страха и ярости, но оно было настоящим.

— Назад! — рявкнул Эсквайр, делая выпад в сторону Мастера. — Я не вернусь в клетку!

Он рванулся вперед, вкладывая в этот рывок все остатки сил. Расстояние сокращалось. Он уже видел морщинки в уголках глаз Мастера, видел, как тот даже не моргнул при виде надвигающегося лезвия. Эсквайр замахнулся, готовясь разрубить этот серый костюм и это ледяное спокойствие.

И тут мир сломался.

В тот момент, когда острие меча должно было войти в зону поражения, рука Эсквайра внезапно стала легкой. Неве-
роятно легкой. Вес меча исчез. Вместо сокрушительного удара он просто рассек воздух пустой ладонью.

Он оцепенел, глядя на свои пальцы. Металл больше не подчинялся. Тяжелое лезвие на его глазах начало стреми-
тельно съеживаться, терять форму, плавиться, превращаясь в бесформенную каплю серебристой жижи. Секунда — и на ладони Эсквайра снова лежала маленькая, ржавая, безна-
дежно изогнутая скрепка. Она выглядела жалко.

Эсквайр замахнулся снова, уже просто кулаком, но его но-
ги словно налились свинцом. Сила, которая жила в его жи-
лах, которая пульсировала магнетическим жаром, просто ис-
парилась. Он чувствовал себя выпотрошенной рыбой на бе-
регу.

— Довольно, — тихо сказал Мастер.

Он подошел ближе. Его шаги не издавали звука. Он оста-
новился почти вплотную к Эсквайру, так что тот мог по-
чувствовать слабый запах дорогого табака и старой бумаги. Вблизи взгляд Мастера казался еще более тяжелым. В нем не было злости — только бесконечная, выматывающая уста-
лость человека, который слишком долго смотрит в бездну.

— Ты... что ты со мной сделал? — Эсквайр попятился, но уперся спиной в холодный бок неисправного станка.

— Я просто выключил шум, — Мастер едва заметно по-

вел плечом. — В моем присутствии хаос затихает. Это полезно, когда люди вокруг начинают путать дар с проклятием.

Мастер оглядел помещение, задержав взгляд на Всполохе, который тут же перестал подбрасывать свою железку и принял подчеркнуто независимый вид.

— Мое имя Джеймс Зеро по прозвищу «Мастер». Мне не нужна драка, — продолжил он, возвращая внимание к Эсквайру. — Если бы я хотел твоей смерти, ты бы даже не заметил, как Вендетта выпустила тебя из своего дыма. Я здесь для того, чтобы ты понял одну простую вещь: мир, в котором ты проснулся, больше не принадлежит обывателям.

Он замолчал на мгновение, давая словам вес.

— До сегодняшнего утра человечество жило в уютной иллюзии, — Мастер чуть сузил глаза. — Они верили в законы физики, в страховые полисы и в то, что завтрашний день будет похож на вчерашний. Но Доктор Гравити сегодня не просто разрушил Таймс-сквер. Он сорвал пластырь вместе с кожей. Секретность мертва. Теперь каждый человек на планете знает, что среди них живут боги. Или монстры. Зависит от точки зрения.

Эсквайр сжал кулак, в котором все еще была зажата злощастная скрепка. Она впилась в кожу, напоминая о его беспомощности.

— Почему я? Почему мы? — спросил он, глядя исподлобья.

Мастер слегка наклонил голову, словно прислушиваясь к

чему-то, чего остальные не слышали.

— Магический ген. Так это называют те, кто любит ярлыки. Ошибка в коде, эволюционный прыжок или вирус — неважно. Важно то, что он проснулся. В тебе, в ней, во мне.

Он сделал шаг в сторону, меряя шагами пространство между станками.

— Мы не знаем точно, откуда это пришло. Но природа не терпит пустоты. Когда одна вселенная начинает трещать по швам, искры залетают в соседние. Это проблемы межвселенского масштаба, Эсквайр. Мы лишь первая волна прибое в океане, который решил выйти из берегов. Гравити считает, что он — венец творения. Он хочет доказать миру нашу силу через разрушение.

Мастер снова остановился и посмотрел Эсквайру прямо в глаза.

— А я хочу, чтобы этот мир не сгорел дотла прежде, чем мы поймем, как во всем этом выжить. Ты можешь попытаться убежать. Можешь попытаться убить меня этой скрепкой. Но реальность такова: ты один из нас. И обратного пути нет.

Эсквайр посмотрел на ржавый металл в своей руке. Он чувствовал, как тишина Мастера давит на него, лишая возможности даже злиться. Это была правда, горькая и необратимая, как диагноз врача.

За окнами завода взывала сирена — далекая, но отчетливая. Город начинал осознавать масштабы катастрофы. Всполох подошел к одному из окон и заглянул в щель.

— Кажется, к нам едут гости, — бросил он через плечо.
— И судя по звуку, это не доставка пиццы.

Мастер даже не повернулся. Он продолжал смотреть на Эсквайра, ожидая его решения.

— У нас мало времени, — сказал он. — Ты либо принимаешь правила игры, либо становишься ее жертвой. Выбери быстрее.

Эсквайр разжал кулак. Изогнутая скрепка, лишенная своей временной мощи, тускло блеснула на ладони, словнодохлое насекомое. Сопротивляться человеку, который одним присутствием превращает бурю в штиль, было не просто глупо — это было физически утомительно. В голове пульсировала тишина, оставленная Мастером, и в этой пустоте мысли наконец-то начали выстраиваться в хоть какой-то логический ряд. Бежать было некуда. Попытаться вспомнить прошлое в одиночку — всё равно что искать черную кошку в темной комнате, когда ты сам эта самая кошка и у тебя амнезия.

— Ладно, — Эсквайр бросил скрепку на бетон. — Покажите ваши фокусы. Всё равно у меня на вечер планов не было.

Всполох довольно хмыкнул и тут же нацепил свои зеркальные очки.

— Правильный выбор, парень. Магнето из тебя пока так себе, но потенциал есть. Главное — не заляпать костюм.

Мастер лишь коротко кивнул, принимая решение Эсквайра как должное. Он не выглядел обрадованным или облег-

ченным — просто отметил выполненный пункт в невидимом списке дел.

— Всполох, сделай так, чтобы ребятам снаружи было чем заняться ближайшие полчаса, — приказал Мастер, направляясь к центру цеха.

Тот не заставил себя ждать. Всполох подскочил к заколоченному окну, одним резким движением вырвал лист фанеры и высунулся наружу. Его пальцы засветились белым, почти прозрачным светом. Секунда — и из ладоней вырвался ревущий сгусток пламени, похожий на маленькое, злое солнце. Снаряд прочертил дугу в небе Нью-Йорка, уходя в сторону Бруклинского моста, далеко от их нынешнего убежища. Взрыв где-то в паре миль отсюда отозвался глухим роко-том, и небо на мгновение окрасилось в тревожный багровый цвет. Все полицейские сирены города, казалось, разом сменили тональность и устремились к новому очагу хаоса.

— Подарок от заведения, — пробормотал Всполох, отходя от окна. — Теперь можно и по домам.

В этот момент бетон под их ногами перестал ощущаться как твердая поверхность. Эсквайр инстинктивно дернулся, ожидая очередного гравитационного фокуса, но всё было иначе. Пол стал мягким, податливым, словно они стояли на поверхности глубокого бассейна, наполненного густым киселем. Прямо из серой крошки высунулись две изящные женские руки. Кожа на них была странного, землистого оттенка, а под ногтями виднелась чернота. Эти ладони мягко

коснулись щиколоток Эсквайра и потянули вниз.

— Спокойно, — голос Мастера звучал прямо над ухом. — Это Крот. Она не любит лишних разговоров, но отлично знает, как спрятать то, что не должно быть найдено.

Погружение началось. Это было физически невозможное ощущение: Эсквайр чувствовал, как почва обволакивает его тело, но при этом он не задыхался. Земля расступалась перед ними, пропуская сквозь слои бетона, песка и скальных пород, словно они были призраками, проходящими сквозь туман. Давление было ощутимым, но не болезненным — скорее это напоминало плотные объятия.

— Клетки, — вдруг произнес Мастер. Его голос в этой плотной среде вибрировал, проникая сразу в сознание. — Ты упомянул их, когда пытался меня атаковать. Сказал, что не вернешься туда.

Эсквайр замер, насколько это было возможно в их текущем состоянии. Образы — холодный металл, тусклый свет люминесцентных ламп, люди в масках — снова всплыли на периферии памяти, заставляя внутренности сжаться в тугой узел.

— Не помню, — честно ответил он. — Просто... вырвалось. Словно инстинкт.

— Это любопытно, — Мастер продолжал скользить сквозь почву, сохраняя идеальную вертикальную позу, даже находясь в толще земли. — До сегодняшнего дня мы считали, что магический ген — это новая переменная. Что че-

ловечество столкнулось с ним впервые и пребывает в полном неведении. Но если твои «клетки» — не плод воображения, а реальный опыт... значит, кто-то уже ставил эксперименты. Значит, о нас знали задолго до того, как Гравити решил устроить свое шоу.

Он замолчал, и Эсквайру показалось, что тишина стала еще тяжелее. В этой глубине, под миллионами тонн грунта, Мастер продолжал анализировать реальность, словно гроссмейстер, увидевший на доске фигуру, которой там быть не должно.

— Нам придется разблокировать твою память, Эсквайр, — добавил Мастер. — Не ради твоего душевного спокойствия, а ради нашей общей безопасности. Если есть те, кто ловит таких, как мы, и держит в клетках, нам нужно знать их имена.

Внезапно вязкое сопротивление земли исчезло. Эсквайр буквально вывалился из потолка, приземлившись на четвереньки на идеально чистый, полированный пол. Он ожидал увидеть сырой подвал или канализацию, но то, что открылось его взору, больше напоминало штаб-квартиру из футуристических триллеров.

Огромное пространство под Нью-Йорком было превращено в высокотехнологичный бункер. Вдоль стен тянулись серверные стойки, мигающие мириадами синих и зеленых индикаторов. В центре зала располагались голографические терминалы, на которых крутились схемы города, графики

энергетических всплесков и досье на людей. Пахло озоном, дорогим пластиком и стерильностью операционной. Повсюду сновали люди: дети, взрослые мужчины и женщины, но в их движениях была та же странная, нечеловеческая грация, которую Эсквайр заметил у Вендетты.

— Когда мы нашли Крота, — Мастер поправил манжеты, выходя из «стены» земли так, будто он просто вышел из лифта, — стало ясно, что лучшей защиты не придумать. Мы замуровали все физические выходы. Никаких дверей, никаких лестниц, никакой вентиляции, которую можно отследить. Крот — наш единственный ключ и наша единственная дверь.

Они прошли через широкий коридор, мимо застекленных лабораторий, где какие-то люди в белых халатах изучали странные, вибрирующие артефакты. Наконец, они вошли в кабинет. Здесь обстановка менялась: массивный дубовый стол, книжные полки до потолка и глубокое кожаное кресло, в которое Мастер опустился с тяжелым вздохом. В этом антураже он выглядел как некая мрачная пародия на Профессора Икс, лишенная инвалидной коляски, но наделенная куда более тяжелым взглядом.

— Оглянись, Эсквайр, — Мастер обвел рукой помещение.

Эсквайр посмотрел через плечо. В дверях и у стен стояли люди. Их было много. Девушка, вокруг пальцев которой плясали крошечные молнии; высокий мужчина, чье тело каза-

лось сделанным из полупрозрачного камня; парень, чье лицо постоянно менялось, не давая глазу зацепиться за черты. От каждого из них исходила мощь — плотная, почти осязаемая аура силы, которая заставляла воздух вибрировать.

— Ты не единственный «особенный», — Мастер сложил пальцы домиком. — Нас тысячи. И большинство сейчас напуганы так же, как и ты. Мы объединились здесь не для того, чтобы захватить мир или играть в богов. Наша цель — выжить. Выстроить стратегию, которая не позволит обычным людям сжечь нас на кострах при первой же возможности.

Мастер сделал паузу, и его лицо стало еще суровее.

— И для этого нам приходится бороться с нашей собственной кровью. С теми, кто, получив силу, решил, что законы больше не для них. Гравити — лишь верхушка айсберга. Он хочет доказать существование магического гена через руины и трупы. Если он добьется своего, нас объявят вне закона и уничтожат.

Эсквайр прислонился к стене, чувствуя, как внутри него снова просыпается тяга к металлу — в этом кабинете его было достаточно. Скрытые кабели, каркас кресла, механизмы в стенах — всё это шептало ему, предлагая защиту.

— Если ты такой всесильный, — Эсквайр кивнул на Мастера, — почему просто не «выключишь» его? Ты же сделал это со мной.

Мастер усмехнулся — редко и сухо.

— Я могу подавить его внутреннюю магию. Я могу пре-

вернуть его из сверхчеловека в обычного старика. Но я не могу подавить физику. Гравити не просто маг, он — инженер. Его робо-костюм — это шедевр технологий, который работает на независимых источниках энергии. Моя «тишина» не действует на гидравлику, на сервоприводы и на бронепластины из обедненного урана.

Он подался вперед, впиваясь взглядом в Эсквайра.

— Понимаешь, к чему я клоню? Чтобы остановить Гравити, недостаточно заблокировать его дар. Его нужно сломать физически. Вскрыть эту консервную банку и вытащить его оттуда. И здесь в игру вступаешь ты. Твой магнетизм — единственный инструмент, способный деформировать его броню быстрее, чем он раздавит нас своей гравитацией.

В кабинете повисла пауза. Эсквайр смотрел на свои руки — обычные человеческие руки, которые еще утром не умели ничего, кроме как держать чашку кофе. Теперь они были ключом к победе в войне, о существовании которой он узнал час назад.

— У нас нет времени на долгие тренировки, — Мастер встал. — Гравити не остановится на Таймс-сквер. Завтра он будет у здания ООН или на Уолл-стрит. Мир меняется, Эсквайр. И тебе пора решить: ты инструмент в моих руках или кусок металла, который пойдет в переплавку.

Двадцать лет тишины и тайн

Двадцать лет назад подвалы старого завода в Квинсе пахли не безысходностью, а дешёвым машинным маслом, остывшим кофе и тем специфическим, металлическим ароматом, который источают перегретые медные катушки. Тогда это место ещё не было Убежищем. Это была игровая площадка для трёх человек, решивших, что законы мироздания — это всего лишь черновик, который пора переписать начисто.

Свет люминесцентных ламп, вибрирующих на грани ультразвука, выхватывал из полумрака нагромождение осциллографов, мотки силовых кабелей и горы исписанных графиками листов. В центре этой свалки гениальности возвышалась установка Доктора Гравити. В те годы он ещё не носил титановый панцирь, предпочитая ему мятый лабораторный халат, забрызганный кислотой и чернилами, но взгляд его уже тогда был тяжелее любого свинцового груза.

Молодой Мастер, чьи волосы тогда ещё не тронула седина, а как такового прозвища не было, замер у распределительного щита. Он был подмастерьем, тенью великих умов, мальчишкой на побегушках, чья задача сводилась к тому, чтобы вовремя подать ключ или не дать силовой установке выжечь предохранители. Но в глубине души он чувствовал нечто странное. Тишину. Свою личную, внутреннюю зону

штиля.

— Сейчас, — прошептал Гравити, его пальцы на реостате мелко дрожали. — Смотри внимательно, парень. Сейчас мы покажем этой планете, кто здесь главный.

В центре массивного стального кольца, на гладкой поверхности стола, лежал обычный речной камень. Серый, невзрачный, покрытый едва заметными щербинками. Под гул трансформаторов воздух вокруг камня начал заметно густеть, становясь маслянистым и тяжелым. Раздался тихий щелчок, похожий на треск статического электричества.

Булыжник дрогнул. Он не просто покатился — он медленно, нехотя оторвался от поверхности стола. Миллиметр за миллиметром камень поднимался вверх, игнорируя миллиарды лет эволюции и гравитационный диктат Земли. Он замер в воздухе, лениво вращаясь вокруг своей оси, словно крошечная планета в вакууме.

— Есть! — выдохнул Гравити, и в этом возгласе было столько детского восторга, что Джеймс не выдержал.

Нахлынувшая радость была слишком острой. Джеймс сделал шаг вперед и от души хлопнул Гравити по плечу, празднуя их общую, как ему казалось, победу.

— Получилось! — крикнул он.

В ту же секунду, стоило ладони Джеймса коснуться ткани халата, гул установки внезапно сменился мертвой тишиной. Гравитационное поле, выстраиваемое минутами кропотливой настройки, схлопнулось мгновенно. Камень не упал —

он рухнул, с сухим стуком ударившись о столешницу и оставив на ней глубокую вмятину.

Гравити замер. Он медленно повернул голову к Джеймсу, и в его глазах, обычно холодных, как жидкий азот, на мгновение промелькнуло недоумение, смешанное с яростью.

— Что ты сделал? — голос Доктора был тихим, но в нем слышался скрежет надвигающегося ледника.

— Я... я просто обрадовался, — пробормотал Джеймс, спешно отнимая руку. — Извини, наверное, какой-то сбой в питании.

Гравити раздраженно отмахнулся, возвращаясь к приборам. Его пальцы снова забегали по тумблерам, пытаясь вернуть утраченное чудо.

— Устройство еще не идеально, — бросил он через плечо, не глядя на помощника. — Слишком чувствительно к внешним колебаниям. Но как только я стабилизирую поле, это станет скачком. Настоящим прыжком из колыбели. Гравитация — это цепь, Джеймс. Самый сильный барьер, удерживающий нас в грязи. Мы тратим девяносто процентов энергии просто на то, чтобы не размазаться по асфальту. Представь мир, где вес — это выбор, а не приговор.

Джеймс кивнул, хотя внутри у него осталось неприятное послевкусие. Ему показалось, что это не машина сломалась. Ему показалось, что это он сам, коснувшись Гравити, включил его гениальность, как обычную настольную лампу.

В этот момент дверь лаборатории распахнулась с таким

грохотом, будто ее вынесло взрывной волной. В помещение ворвался доктор Карл Кларк. Если Гравити был воплощением холодной логики и стали, то Карл казался существом из другой эпохи. Его волосы были безупречно прилизаны назад, а в глазах горел фанатичный огонь исследователя, который только что нашел Атлантиду в собственной ванной.

— Бросайте свои железки! — проорал он, размахивая руками. — Физика — это вчерашний день, друзья мои! Настоящее чудо не требует электричества!

— Карл, ты сорвешь мне калибровку, — сухо заметил Гравити, даже не оборачиваясь. — Уйми свой энтузиазм.

— К черту калибровку! — Карл подлетел к столу и едва не смахнул парящий (в мечтах Гравити) камень. — Я совершил прорыв! Живая материя, господа! Настоящая, первозданная мощь, о которой мы даже не смели мечтать. Идите за мной, быстрее!

Они последовали за ним по лабиринтам коридоров в самую дальнюю часть подвала. Кабинет Карла напоминал одновременно музей естествознания и логово безумного таксидермиста. Под потолком на стальных тросах висел скелет какого-то доисторического ящера, чьи кости тускло поблескивали в полумраке. Вдоль стен стояли стеллажи с банками, в которых в формалине плавали существа, чьи названия давно стерлись из памяти человечества.

В центре комнаты, под яркой лампой, стоял небольшой террариум. Внутри него была навалена куча сухих, ломких

листьев, вперемешку с обожженной травой и кусками безжизненного дерна. Выглядело это как мусорное ведро, которое забыли вынести.

— Смотрите! — Карл ткнул пальцем в стекло.

В гуще серой травы шевелилось нечто маленькое. Это был червяк. Но не обычный дождевой житель, а создание странного, ядовито-фиолетового цвета, чей полупрозрачный корпус слабо светился изнутри.

— И что? — скептически поднял бровь Гравити. — Ты притащил нас сюда, чтобы показать беспозвоночное с дефицитом пигмента?

— Наблюдай, о великий покоритель железяк, — ухмыльнулся Карл.

Червяк медленно пополз по слою сухих листьев. Его движения были текучими и неестественно быстрыми. Там, где его тело касалось поверхности, оставался след — густая, опалесцирующая слизь. И в ту же секунду начиналось невообразимое.

Сухие, коричневые листья, которые должны были рассыпаться в прах от малейшего вздоха, начали на глазах наливаться соком. По жилкам побежал хлорофилл, края расправились, и через несколько секунд на месте мертвой органики зазеленела свежая, молодая листва. Это не было ростом — это было мгновенным возвращением времени вспять.

Джеймс подался вперед, завороченный этим зрелищем. Ему показалось, что он слышит, как дышит оживающая зе-

лень.

— С помощью этого существа человек преодолевает смерть, — голос Карла вибрировал от восторга. — Старение станет просто досадным недоразумением, которое можно стереть одним касанием. Давно умершие виды, великаны прошлого — они все получают второй шанс. Мы воскресим мир, который сами же и погубили!

Карл бесстрашно засунул руку в террариум и подхватил червяка. Существо обернулось вокруг его пальца, оставляя на коже липкий след. Археолог перенес его к другому столу, где на куске замши лежала странная кость. Она была небольшой, пористой и напоминала окаменелое человеческое ребро.

— Единственная проблема, — Карл нахмурился, — я точно не знаю, от какой части скелета этот фрагмент. Судя по размеру, это ребро, возможно, принадлежавшее молодому динозавру. Посмотрите, на нем след перелома. Оно крошечное, жалкое.

Он аккуратно посадил фиолетового червяка на кость. Затем, используя длинный пинцет, установил фрагмент в специальный паз основного скелета, который находился за массивным пуленепробиваемым стеклом в глубине комнаты.

— Нужно немного подождать, — прошептал Карл. — Органика восстанавливается дольше, чем целлюлоза. Но результаты будут идентичными. Я уверен.

— Откуда Вы его взяли? — спросил Джеймс, не отрывая

взгляда от фиолетового пятнышка за стеклом.

Карл неопределенно пожал плечами.

— Сам точно не могу объяснить. Я нашел несколько яиц прямо на костях этого скелета во время раскопок. Они были похожи на обычные камни, но при нужной температуре в инкубаторе один из них вылупился. Остальные еще ждут своего часа. Я буду использовать их для размножения. У этих существ еще нет названия, ведь человечество никогда не встречало ничего подобного. Они — посланцы из времени, когда жизнь была абсолютной.

Гравити подошел ближе к стеклу, вглядываясь в кость. Его аналитический ум уже просчитывал варианты.

— Если это работает на клеточном уровне через синтез белков... — начал он, но его прервал резкий звук открываемой двери.

В лабораторию вбежала Мэдисон. Молодая лаборантка с копной непослушных каштановых волос и вечно испачканным мелом носом. В руках она бережно держала коробку, обитую мягкой тканью.

— Мистер Кларк! — задыхаясь, крикнула она. — Привезли! Тот самый груз из Мексики. Маска древнего народа Майя.

Она поставила коробку на стол и осторожно откинула крышку. Внутри, в ложементе из бархата, покоилась маска из темного, почти черного нефрита. Она не была красивой в привычном смысле слова — искаженные черты лица, пустые

глазницы и странная гравировка по краям внушали безотчетную тревогу.

— Датчики в приемном покое взбесились, — продолжала Мэдисон, поправляя очки. — Она излучает странную энергию. Не радиацию, а нечто... иное. Словно она фонит самым временем.

Джеймс посмотрел на Мэдисон. В этот момент ему было плевать на маски майя, на фиолетовых червей и даже на законы гравитации. Он видел только то, как прядь ее волос выбилась из-под зажима, и как лихорадочно блестели ее глаза. В его груди, там, где обычно царила привычная тишина, вдруг что-то дрогнуло и запело. Это было сильнее любой магии.

— Мэдисон, — тихо произнес он, и его голос в кои-то веки прозвучал твердо. — Ты сегодня... потрясающе выглядишь.

Она мельком взглянула на него и улыбнулась — коротко, ярко, заставив его сердце совершить кульбит, который не снился ни одному камню в установке Гравити.

Вокруг них мир готовился к коллапсу. За стеклом фиолетовый червь медленно впитывался в древнюю кость. Маска Майя в коробке будто бы тихо вздохнула, наполняя комнату тяжелой, древней силой. Гравити и Карл уже спорили о чем-то, перекикивая друг друга.

Двадцать лет спустя Мастер будет вспоминать этот день как точку невозврата. Момент, когда они были просто

людьми, мечтающими о невозможном, не подозревая, что их мечты станут проклятием для миллионов. Но тогда, в зали-
том холодным светом подвале, он просто не мог отвести глаз
от Мэдисон, пока за его спиной зарождался новый, пугаю-
щий мир.

Лицо без имени

Эсквайр молчал долго, рассматривая собственные ладони так, будто видел их впервые. Под кожей все еще перекачивались серебристые отблески — остатки того безумного ритма, который он поймал на Таймс-сквер. В кабинете Мастера пахло старой бумагой и чем-то неуловимо кислым, как в кабинете стоматолога, где страх посетителей годами впитывался в обивку кресел. Мастер ждал, не шевелясь, напоминая каменное изваяние самого себя.

— Я подумаю, — наконец произнес Эсквайр, и его голос в этой стерильной тишине показался ему чужим, надтреснутым. — Но не ждите, что я сразу начну называть вас «сэром» и полировать ботинки. У меня в голове дыра размером с Гранд-Каньон, и пока я ее не залатаю, я не ваш солдат.

Мастер едва заметно дернул уголком губ. Это была не улыбка, а скорее техническое подтверждение того, что контакт установлен.

— Мы не в армии, Эсквайр. Мы в осажденной крепости. А здесь каждый думает сам, пока его мысли не начинают мешать общему выживанию.

Он повернул голову к тени у двери. Там, прислонившись плечом к косяку, стояла невысокая девушка. На ней были тяжелые армейские ботинки, перемазанные чем-то рыжим, и безразмерный комбинезон, в карманах которого что-то глу-

хо позвякивало. Ее лицо казалось обычным, если бы не глаза — слишком спокойные, слишком глубоко посаженные, с оттенком влажной земли после дождя.

— Крот, проводи нашего гостя в четвертый сектор. Там все готово.

Девушка кивнула, оттолкнулась от стены и жестом позвала Эсквайра за собой. Она двигалась странно — ее шаги были абсолютно бесшумными, будто она не наступала на пол, а слегка погружалась в него при каждом движении. Эсквайр пошел следом, чувствуя, как стены коридора, облицованные гофрированным металлом, начинают вибрировать от его присутствия. Сталь вокруг него пела, и эта песня была единственным, что связывало его с реальностью.

Они миновали несколько гермозатворов, за которыми слышался низкий гул генераторов. Крот не оборачивалась, ее коротко стриженные волосы цвета жженой пробки забавно топорщились на затылке.

— Тут не пятизвездочный отель, — бросила она через плечо. Голос у нее был низкий, с легкой хрипотцой. — Но крысы вежливые, а вентиляция почти не свистит. Тебе повезло, четвертый сектор — это бывшая лаборатория. Там потолки выше и эхо не такое противное.

— Почему Крот? — спросил Эсквайр, просто чтобы нарушить этот монотонный гул стали.

— Потому что я люблю глубину. И потому что стены для меня — это просто очень густой туман. Тебе, с твоими же-

лезками, этого не понять. Ты их ломаешь, а я в них растворяюсь.

Они остановились перед тяжелой стальной дверью, на которой краской было выведено «402». Крот приложила ладонь к сенсору, и замки сработали с сочным, механическим щелчком. Дверь отъехала в сторону, открывая вид на просторную комнату, которая больше напоминала склад забытых вещей, чем жилье.

В центре стоял широкий матрас, брошенный прямо на пол. У стены — шкаф из темного дерева, выглядевший здесь так же уместно, как рояль в окопе. Но внимание Эсквайра сразу привлекло другое. В дальней части комнаты, отделяя спальную зону от чего-то похожего на душевую кабину, высилась огромная стеклянная перегородка. Вернее, то, что от нее осталось. Стекло было разбито вдребезги, его острые осколки сверкали на полу, словно застывшие брызги ледяной воды. Рама была искорежена так, будто через нее прорвался разъяренный медведь.

— Что здесь произошло? — Эсквайр указал на разруху.

Крот даже не посмотрела в ту сторону. Она подошла к столу, стоявшему в углу, и принялась бесцельно передвигать на нем какие-то железки.

— Без понятия. Тут много чего происходило до того, как мы сюда заехали. Считай это элементом декора. Хаос — он бодрит.

Она наконец повернулась к нему, скрестив руки на груди.

На ее лице промелькнуло выражение, которое можно было бы принять за любопытство.

— А ты и правда интересный. Мастер редко ошибается, но насчет тебя он прям расцвел. Давно я не видела его таким... озадаченным.

— В каком смысле — интересный? — Эсквайр нахмурился, подходя к разбитому стеклу. Он чувствовал, как металлическая рама отзывается на его близость, пытаясь распрямиться под действием его невольного импульса.

— Мастер запеленговал тебя еще в ту секунду, когда ты глаза открыл в той конуре на Манхэттене. Он сразу понял, что проснулось что-то крупное. Поэтому и Вендетту послал. Обычных «проснувшихся» мы не вытаскиваем с таким пафосом — сами приходят или сгорают в первый же день.

Она сделала шаг к нему, и ее взгляд стал серьезнее.

— Пойми, Эсквайр, такая мощь у новичка — это как если бы младенец родился сразу с пулеметом в руках и знал, куда нажимать. Ты начал плавить и гнуть металл так легко, будто всю жизнь только этим и занимался. Большинство из нас тратят годы, чтобы просто научиться не проваливаться сквозь кровать во сне или не поджигать шторы, когда злятся.

Крот невесело усмехнулась и потерла правую голень.

— Я в двенадцать лет решила попробовать пройти сквозь кирпичную кладку в подвале. Подумала, что я теперь привидение. В итоге нога застряла на полпути. Сутки сидела внутри стены, пока молекулы не соизволили разойтись обратно.

Думала — все, ампутация. А ты? Ты крушишь Нью-Йорк, едва продрав глаза. Это не просто дар, это какой-то передоз гена.

— Если я такой сильный, почему я ничего не помню? — Эсквайр сжал кулак, и осколок стекла на полу мелко задрожал.

— Вот это и странно, — Крот присела на край стола. — Обычно амнезия — это побочка для слабых. Мозг обычно-го человека не выдерживает давления силы, он отключается, срабатывает предохранитель. Ужас, шок, вся эта химия. Но такие, как ты... Вы должны быть стабильны. Твое тело адаптировано к нагрузкам, которые стерли бы любого из нас в порошок. Твоя память не могла просто выветриться от испуга.

Эсквайр сел на матрас, чувствуя, как усталость наваливается на плечи бетонной плитой. Пустота в голове гудела, требуя ответов.

— Есть один способ, — Крот внимательно наблюдала за его реакцией. — У нас тут обретается один парень. Гидра. Не самый приятный тип, вечно от него несет сыростью и какими-то старыми вещами, но он спец по чердакам. В смысле, по головам.

Она спрыгнула со стола и подошла ближе.

— Гидра умеет вытаскивать образы. Он воспроизводит внутри себя такие штуки, которые вызывают ностальгию. Запахи, звуки, обрывки фраз. Он как поисковик, который лезет в твой личный кэш. Если хочешь, я могу его позвать. Может,

он найдет за что зацепиться в твоём тумане.

Эсквайр вскинул голову. Надежда — опасная штука, особенно в таком месте, но сейчас она была единственным топливом.

— Да. Зови. Прямо сейчас.

Он резко вскочил с матраса, подавшись к ней. В порыве он не заметил, насколько близко оказался. Крот не отстранилась. Напротив, она медленно протянула руку и коснулась кончиками пальцев его обнаженной груди. Ее кожа была прохладной и шершавой, как песчаник.

— Спокойно, железный человек, — в ее голосе снова появилась та ироничная хрипотца. — Гидра не любит спешки. И, честно говоря, тебе не мешало бы привести себя в порядок.

Она скользнула взглядом по его торсу, покрытому копотью, пятнами запекшейся крови и серебристыми разводами.

— Шкаф там не для красоты стоит, — она ткнула пальцем в сторону тяжелого деревянного монстра. — Там есть одежда. Мастер позаботился, подобрал твой размер. Советую одеться.

Эсквайр замер, осознав, что все еще разгуливает в одних лишь лохмотьях, которые едва прикрывают то, что осталось от его достоинства после драки с Гравити.

— А то, знаешь ли, — Крот уже направилась к выходу, помахивая рукой, — у нас тут народ разношерстный. Если продолжишь в таком виде дефилировать по коридорам, у

остальных сверхлюдей появятся очень странные предположения о твоих наклонностях. Эксгибиционизм — это, конечно, тоже своего рода суперсила, но боюсь, Мастер этого не оценит.

Она обернулась в дверном проеме, ослепив его напоследок широкой, почти мальчишеской ухмылкой.

— Оденься, герой. А я пойду поищу Гидру. Постараюсь убедить его, что ты не откусишь ему голову при первой же попытке заглянуть внутрь.

Дверь с шипением закрылась, оставляя Эсквайра в тишине комнаты 402. Он стоял один среди битого стекла и теней, глядя на свои руки, которые теперь казались ему инструментами в чужой, сложной игре. Металл вокруг продолжал тихо вибрировать, но теперь в этом звуке ему чудилось не только приветствие, но и предупреждение.

Эсквайр замер перед массивным шкафом, который выглядел в этой бетонной каверне как привет из викторианской эпохи. Тяжелые дубовые дверцы скрипнули, неохотно расступаясь перед ним. Внутри царил маниакальный порядок, граничащий с безумием. Ряды идентичных костюмов висели плечом к плечу, словно солдаты на плацу, готовые в любой момент броситься в бой за чистоту стиля и консерватизм. Ткань была плотной, дорогой, пахнувшей кедром и какой-то неуловимой аптечной горечью.

— Стиль Мастера слегка старомодный, — негромко хмыкнул Эсквайр, перебирая одинаковые серые пиджаки. —

Такое ощущение, что я попал в гардеробную к графу Дракуле, который решил подработать бухгалтером.

Это действительно напоминало зацикленный кадр из мультфильма: серый, серый, чуть более темный серый, угольно-черный и снова серый. Но в самом углу, зажатый между двумя безупречными тройками, висел он. Костюм, который выбивался из общего строя своей хищной, почти вызывающей фактурой. Черная кожа пиджака не блестела, а скорее поглощала свет, обещая прочность брони. Под ним обнаружили такие же кожаные брюки и жилет, по которому змеилась тонкая серебряная линия, подчеркивая каждый изгиб и привязанность владельца к металлу. Это не было одеждой клерка. Это была кожа нового зверя, рожденного в огне Таймс-сквер.

Облачение заняло несколько минут. Кожа приятно холодила кожу, садясь как влитая, будто этот доспех ждал именно его. Когда Эсквайр застегивал последнюю пуговицу на жилете, он почувствовал, как металлическая нить отозвалась на его внутренний импульс, едва заметно потеплев.

— Неплохо, — раздался за спиной тихий, шелестящий голос, заставивший Эсквайра резко обернуться. — Хотя кожа плохо дышит. В ней ты будешь потеть, когда начнется настоящий кошмар.

В дверном проеме стоял парень, чья внешность напоминала плохо настроенный телевизионный сигнал. Его лицо плыло. В одну секунду на Эсквайра смотрела большеглазая

девушка с россыпью веснушек, а в следующую черты лица удлинялись, челюсть становилась тяжелее, и перед ним уже возвышался суровый старик с глубокими бороздами у рта. Образы сменяли друг друга с пугающей скоростью: пухлый ребенок, азиатский подросток, изможденная женщина. Это был Лео Вэнс, человек без собственного отражения, известный здесь как Гидра.

— Ты пришла... пришел помочь? — Эсквайр старался не смотреть в глаза, которые то становились небесно-голубыми, то заплывали желтизной старческой катаракты.

— Крот сказала, что у тебя в черепашке завелся сквозняк, — Гидра прошел в комнату, и его движения были такими же зыбкими, как и лицо. — Я могу попробовать закрыть окно. Но учти, я не психолог. Я просто зеркало, которое показывает то, что ты спрятал даже от самого себя.

Они сели друг напротив друга на матрас. Воздух в комнате стал плотным, маслянистым. Гидра протянул руки — его пальцы были то длинными и изящными, то короткими, с обломанными ногтями. Стоило ему коснуться висков Эсквайра, как реальность дала трещину.

Гидру начало корежить. Это не было похоже на обычную трансформацию — это была агония формы. Его тело выгибалось под неестественными углами, кости хрустели, словно сухие ветки, а одежда натягивалась до предела. Казалось, он сейчас просто лопнет, выплеснув наружу калейдоскоп чужих жизней. Эсквайр хотел отстраниться, но пальцы Гидры дер-

жали его мертвой хваткой, приковывая к месту.

Внезапно метаморфозы прекратились. Перед Эсквайром сидела молодая девушка с копной ярко-рыжих волос, которые, казалось, светились в полумраке комнаты. Ее лицо было воплощением тепла, а в глазах мерцало что-то настолько знакомое, что у Эсквайра перехватило дыхание. В ту же секунду запах бетонного бункера исчез. Его сменил густой, дурманящий аромат цветов — майских пионов и свежескошенной травы.

— Ты... я тебя знаю, — прошептал Эсквайр, чувствуя, как в груди разливается забытое чувство защищенности. Ему хотелось протянуть руку, коснуться этих волос, раствориться в этом спокойствии. Мир стал ярким, солнечным, почти осязаемым в своей доброте.

Но счастье длилось лишь мгновение.

Рыжие волосы поблекли, превращаясь в седые пряди. Аромат цветов сменился резким, бьющим в ноздри запахом дешевого виски, застарелого табака и тошнотворной сладостью гнилой плоти. Стены комнаты будто покрылись слоем плесени, а свет ламп стал мертвенно-бледным. Лицо Гидры вытянулось, приобретая черты мужчины средних лет с хищным носом и сильно зализанными назад волосами. Это был взгляд, который не согревал, а препарировал.

— Ты что-то помнишь? — голос Гидры изменился. Теперь это был вкрадчивый, лишенный сострадания баритон, от которого по позвоночнику пополз ледяной холод.

Эсквайр вскочил с матраса, сбивая Гидру с ног. Его отбросило в угол комнаты, спина врезалась в гофрированный металл стены. Грохот отозвался в голове колокольным звоном. Паническая дрожь сотрясала тело, и металл вокруг начал сходить с ума: скобы вылетали из бетона, трубы изгибались, а обломки стекла на полу закружились в маленьком смерче. Первобытный, животный ужас перекрыл кислород.

Гидра медленно поднялся. Он не спешил, его движения стали плавными, уверенными, полностью копирующими манеру того человека из памяти. Он пошатывался из стороны в сторону, словно пьяный, но взгляд оставался стальным и цепким.

— Ты ведь помнишь меня, — произнес он с той же интонацией, от которой у Эсквайра волосы встали дыбом. — Ты помнишь подвал. Помнишь, как сталь текла сквозь твои пальцы, когда мы вскрывали твою оболочку. Ты был таким податливым, Эсквайр.

Гидра шел на него, и каждый его шаг отдавался в ушах Эсквайра как удар молота. Пространство сузилось до этого лица, до этого запаха сухих листьев и смерти. Эсквайр зажался, вцепившись пальцами в кожаный жилет, готовый взорвать все здание, лишь бы прекратить это погружение в бездну.

— Эй, вы там! Аборты памяти по расписанию закончились пять минут назад!

Резкий женский голос ворвался в комнату вместе с об-

лаком едкого сигаретного дыма. Вендетта стояла в дверях, небрежно прислонившись к косяку. В ее пальцах тлела неизменная тонкая сигарета, а взгляд был полон скепсиса и раздражения.

Гидра вздрогнул, и наваждение мгновенно рассыпалось. Его тело судорожно дернулось, лицо задрожало, возвращаясь в свое привычное, хаотично меняющееся состояние. Он тяжело задышал, вытирая пот со лба ладонью, которая в процессе превратилась из детской ручки в когтистую лапу.

— Черт, Вендетта, — прохрипел Гидра, пытаясь обрести равновесие. — Ты сорвала мне такую нить. Там было столько... интересного.

— Интересное у тебя в штанах, Лео, а здесь у парня сейчас инфаркт случится, — она прошла внутрь, махая рукой, чтобы разогнать дым, хотя сама же его и создавала. — Иди, поешь чего-нибудь. Ты выглядишь так, будто тебя пропустили через мясорубку.

Гидра бросил на Эсквайра последний, странный взгляд и, не проронив больше ни слова, выскользнул из комнаты. Его лицо продолжало меняться, мелькая десятками масок, пока он не скрылся в темноте коридора.

Эсквайр все еще сидел в углу, тяжело дыша. Его кожаный костюм, казалось, стал тяжелее на тонну. Он чувствовал, как внутри него все еще дрожит натянутая струна страха, готовая лопнуть в любой момент.

— Ну что, герой? — Вендетта подошла ближе, окутывая

его своим специфическим ароматом табака и чего-то похожего на дождь. — Узнал, кто заказывал музыку?

— Это был... — начал Эсквайр, но голос подвел его.

— Это был Реликт, — отрезала она, пуская кольцо дыма в потолок. — И если ты думал, что твое прошлое пахнет фиалками, то добро пожаловать в реальный мир. Тут у каждого в шкафу по кладбищу, а не просто по паре скелетов.

Голова гудела. Образ того человека с зализанными волосами — Реликта — прилип к изнанке век, как обрывок дешевого рекламного плаката на мокром бетоне. Эсквайр с трудом сфокусировал взгляд на Вендетте. Она стояла в дверях, и кончик ее сигареты ярко вспыхивал в полумраке комнаты 402, отбрасывая на стены длинные, дерганные тени.

Предел притяжения

— Реликт, — хрипло выдавил он, пытаясь избавиться от навязчивого запаха гнилых листьев. — Кто он такой? Гидра показал мне его... или это была его версия правды.

Вендетта медленно выдохнула струю дыма, которая тут же начала завиваться в причудливые кольца у ее плеч. Она не спешила с ответом, внимательно изучая носки своих кожаных сапог, словно там был спрятан шифр к тайнам мироздания.

— Мастер часто упоминал его, — наконец произнесла она. — Но никогда не называл его другом. Скорее... неизбежным злом из тех времен, когда мир еще не сошел с ума окончательно. Он говорил, что Реликт был самым пугающим ученым в его практике. У этого парня вместо сердца был калькулятор, а вместо амбиций — черная дыра, готовая поглотить все живое ради одного научного прорыва.

— Он был одержим нами?

— Магическим геном, — поправила она. — Для него мы не люди, а биологический ребус. Мастер считал, что Реликт страдал от самого опасного вида зависти — зависти посредственности к чуду. Сам он не обладал никакими способностями, но хотел препарировать каждый миллиметр чужого дара, чтобы найти способ либо украсть его, либо клонировать. Если он до тебя добрался раньше, чем ты проснулся, то

мне искренне жаль твои нервные клетки.

Эсквайр почувствовал, как в желудке завязывается холодный узел. Воспоминание о тех двоих в спецодежде, что дежурили у его квартиры, внезапно приобрело новые, зловещие очертания. Это не были обычные коллекторы или наемники Гравити.

— Двое у моей двери, — пробормотал он. — Они не хотели меня убивать. Они хотели меня вернуть. Словно я был сбежавшим лабораторным экспонатом.

Вендетта кивнула, стряхивая пепел прямо на пол. Ее глаза в полумраке казались двумя темными провалами.

— Вполне в его стиле. Реликт не разбрасывается активами. Если он вложил в тебя время и ресурсы, он вывернет город наизнанку, чтобы вернуть инвестицию.

Внезапно тяжелая стальная дверь в комнату распахнулась с таким грохотом, что Эсквайр инстинктивно вскинул руки, готовый превратить дверную раму в грудку металлической стружки. В проеме стоял Всполох. Его зеркальные очки были сдвинуты на лоб, обнажая глаза, которые буквально горели яростным, нечеловеческим светом.

— Кончайте посиделки! — гаркнул он, и от его голоса по комнате пронеслась волна сухого жара. — Город летит в бездну быстрее, чем мы думали. Гравити сорвался с цепи.

— Опять Таймс-сквер? — устало спросила Вендетта.

— Бери выше. Он сейчас у здания правительства. Решил, что демократия слишком много весит, и хочет облег-

чить жизнь нашим чиновникам, отправив их на орбиту без скафандров. Он уже сминает охрану, как алюминиевые банки. Если мы не вмешаемся сейчас, завтра Нью-Йорк будет управляться из кабины трехметрового робота.

Эсквайр и Вендетта переглянулись. В ее взгляде не было страха — только привычная, выморочная готовность к драке, которая стала для нее смыслом существования. Эсквайр же чувствовал, как новый кожаный костюм словно становится второй кожей, впитывая его нарастающую тревогу.

Они выскочили в коридор. У ближайшего гермозатвора их уже ждала Крот. Она выглядела как обычно — невысокая, в перемазанном комбинезоне, но в ее руках был небольшой сверток. Она шагнула навстречу Эсквайру и протянула ему пару тонких, но удивительно прочных перчаток из черной матовой кожи.

— Надень, — коротко бросила она. — Подарок от Мастера. В них вплетена какая-то хитрая синтетика. Поможет тебе не превратить все, к чему прикасаешься, в пластилин, пока ты сам этого не захочешь. Иначе ты нас всех по дороге в металлолом сдашь.

— Спасибо, — Эсквайр натянул перчатки, ощущая, как они плотно обхватывают кисти, возвращая ему чувство контроля.

— А теперь держитесь крепче за свои души, — Крот ухмыльнулась, обнажая ровные белые зубы. — Сейчас будет немного пыльно.

Она топнула ногой, и реальность под их ногами внезапно потеряла плотность. Это не было падением. Скорее, это напоминало погружение в густую, прохладную воду, которая состояла из бетона, земли и стальных арматур. Эсквайр зажался, чувствуя, как молекулы его тела просачиваются сквозь твердую породу. На мгновение его охватила паника — первобытный страх быть заживо замурованным в толще земли, но присутствие Крота рядом действовало как якорь.

Миг — и легкие наполнил холодный, колющий воздух поверхности. Они стояли посреди того самого заброшенного завода, из которого уходили под землю. Крот тяжело дышала, ее лицо было покрыто слоем рыжей пыли.

— Дальше сами, — выдохнула она, отирая лоб. — Удачи, парни. И... Вендетта, постарайся вернуть их в том же количестве, в каком забираешь.

Девушка-крот мгновенно погрузилась обратно в пол, оставив после себя лишь небольшую воронку в пыли. Вендетта не стала терять ни секунды. Ее тело начало стремительно размываться, превращаясь в плотное, серое облако дыма, которое с резким свистом рванулось к выходу.

— Цепляйтесь! — раздался ее голос, звучащий отовсюду сразу.

Эсквайр почувствовал, как его подхватила мощная, упругая волна. Дым Вендетты был горячим и пах терпким табаком. Вместе с Всполохом они неслись сквозь разбитые окна цеха, вылетая на улицы Манхэттена. Город внизу напоминал

муравейник, в который ткнули раскаленным прутом. Машины брошены посреди дорог, люди бегут в разные стороны, а над всем этим хаосом висит зловещий, вибрирующий гул.

Они летели низко, огибая искореженные фонарные столбы и разбитые витрины. Эсквайр видел, как асфальт на перекрестках вспучивается, словно под ним ворочаются гигантские черви — работа гравитационных аномалий.

Когда они приблизились к зданию правительства, дым Вендетты резко пошел на снижение, выплескивая своих пассажиров на разбитую площадь перед центральным входом. Воздух здесь был пропитан запахом жженой изоляции и строительной крошки.

Доктор Гравити был виден издалека. Его трехметровый бронированный костюм возвышался над ступенями, как памятник техногенной катастрофе. Металлические суставы гидравлики рычажили, когда он поднимал громадную руку в сторону массивных дубовых дверей здания.

— Масса — это порядок! — грохотал его механический голос, усиленный динамиками. — А ваш порядок слишком легковесен!

Одним коротким движением он сжал кулак, и массивные створки дверей, окованные бронзой, просто вылетели внутрь, превратившись в щепки и искореженный металл. Гравити сделал шаг вперед, и гранитные ступени под его весом превратились в пыль.

— Эй, Железяка! — крикнул Эсквайр, чувствуя, как ме-

талл внутри разрушенного здания отзывается на его гнев, вибрируя под кожей. — Твой абонемент на разрушения аннулирован!

Доктор Гравити медленно развернулся, и этот звук — скрежет многотонных суставов о раскрошенный гранит — заставил зубы Эсквайра ныть. Матово-черный шлем гиганта, лишенный каких-либо линз или прорезей, замер, сканируя троицу. Вокруг массивных перчаток костюма воздух задрожал, преломляя свет, словно над раскаленным асфальтом в середине июля. Без лишних предисловий и пафосных монологов Доктор просто повел плечом.

— Мусор должен знать свое место, — пророкотал динамик, и стоящий неподалеку брошенный седан взлетел в воздух.

Машина, смятая невидимым прессом в аккуратный, плотный стальной кокон, рванула вперед с энергией пушечного ядра. Эсквайр не успел даже выругаться. Он просто почувствовал, как серебряная полоса на его новом жилете отозвалась на импульс ярости, становясь горячей. Жидкий металл, вплетенный в ткань, послушно вытек наружу, на мгновение зависнув в воздухе ртутными каплями, а затем вытянулся в две хищные, идеально сбалансированные полосы.

Это были не просто мечи. В его руках сжались два зазубренных лезвия, чья сталь казалась темнее ночи и острее любой бритвы.

Эсквайр шагнул навстречу летящему снаряду. Мир на

мгновение застыл, сузившись до точки контакта. Он взмахнул клинками крест-накрест, вкладывая в удар не физическую силу, а саму волю к деформации металла. Стальной шар из бывшего автомобиля, встретившись с его лезвиями, не просто лопнул — он разошелся на две идеально ровные половины, которые с грохотом рухнули по обе стороны от Эсквайра, высекая фонтаны искр из тротуара.

— Ого! — Всполох весело присвистнул, поправляя свои зеркальные очки. — Черт, Эсквайр, это было почти как в тех фильмах, где бюджет на спецэффекты больше, чем ВВП малых стран. Чистый Голливуд, бро!

Парень не стал ждать ответного хода. Он коснулся пальцами виска, и воздух вокруг него мгновенно высох, наполнившись жаром пустыни. Перед ним, пульсируя и разрастаясь, возникли две сферы концентрированного пламени. Они вибрировали, издавая низкий, утробный гул. Всполох резким жестом отправил их в полет. Снаряды врезались в мощные ноги Гравити, окутывая броню ослепительно-белым огнем.

Доктор лишь слегка пошатнулся. Гидравлика его костюма взвыла, компенсируя тепловое расширение металла, но он устоял.

— Твои искры меня не согреют, мальчик, — Гравити вскинул руку, и Эсквайр почувствовал, как гравитационная волна, плотная, будто стена из свинца, ударила в пространство.

Но целью был не огонь. Ударная волна с ювелирной точностью сбила зеркальные очки с лица Всполоха. Дорогой аксессуар отлетел в сторону, со звоном разбиваясь об асфальт. В ту же секунду Всполох зажмурился так сильно, что на его лбу вздулись вены. Без своих фильтров он превратился в живую сверхновую, чей взгляд мог испепелить целый квартал за секунду.

— Мои глаза! — заорал он, прикрывая лицо ладонями. — Вендетта, достань их! Живо!

Вендетта не заставила себя ждать. Она рассыпалась серым, едким дымом, который змеей скользнул по земле в сторону разбитых очков. Но Гравити не собирался облегчать им задачу. Он манипулировал реальностью вокруг себя, превращая площадь в смертельный аттракцион. Обломки тротуарной плитки, куски рекламных щитов и канализационные люки взлетали вверх, создавая хаотичный заслон. Один из тяжелых бетонных блоков, направленный волей Доктора, сбил Вендетту в тот момент, когда она на мгновение обрела плоть, чтобы подхватить уцелевшую оправу.

Эскавайр, видя, как его напарники выбывают из строя, рванул в лобовую атаку. Его новые клинки пели, рассекая воздух. Он двигался зигзагами, уклоняясь от летящего мусора, чувствуя, как каждый шаг отдается вибрацией в металлических жилах под асфальтом.

В это время в окнах окрестных небоскребов начали зажигаться другие огни — тысячи экранов смартфонов. Жители

Манхэттена, запертые в своих бетонных сотах, снимали бойню. Теперь это не было слухом или городской легендой. В прямом эфире, через объективы сотен камер, мир видел, как сверхлюди превращают сердце Нью-Йорка в арену для гладиаторских боев. Каждый кадр, каждая секунда записи летели в сеть, разрушая остатки привычного миропорядка.

Эскавайр наносил удары один за другим. Его мечи высекали снопы искр из черной брони, оставляя глубокие борозды, но Гравити казался нерушимым утесом в этом океане хаоса.

— Ты просто машешь железками, — прорычал Доктор, и здание за его спиной жалобно застонало. — А я управляю фундаментом Вселенной.

Земля содрогнулась. Огромные рекламные щиты начали отрываться от стен, паря в воздухе, словно бумажные листки. Машины медленно поднимались вверх, сталкиваясь друг с другом в беззвучном танце. Всполох, все еще ослепленный, попытался подняться, но в него полетела груда кирпичей, сбив его с ног. В этот момент он на долю секунды непроизвольно разомкнул веки.

Тонкий, яростный луч чистого света прорезал сумерки, ударив в массивную стальную балку, удерживающую гигантский рекламный щит на высоте пятого этажа. Металл мгновенно превратился в пар.

Тяжелая конструкция, лишившись опоры, начала медленно крениться вниз. Прямо под ней стоял старый фургон, в котором, прижавшись к стеклу, сидела маленькая девочка.

Ее глаза, полные застывшего ужаса, были устремлены вверх, на падающую смерть.

Доктор Гравити замер. Его системы наведения мгновенно зафиксировали новую цель. В отличие от остальных, он видел всё. Несмотря на свою ярость и желание доказать силу, он не был мясником, как его называла Вендетта.

— Нет! — выкрикнул он, и этот крик был уже человеческим, а не механическим.

В ту же секунду одна из огромных бронированных рук его костюма с резким шипением отсоединилась от плечевого сустава. Она полетела в сторону Эсквайра, обхватив его стальным кольцом и буквально впечатав в стену здания, не давая двинуться. Доктор Гравити резко развернулся к падающему щиту, но путь ему преградила Вендетта, материализовавшаяся из дыма с намерением нанести удар в уязвимое сочленение шлема.

Гравити не колебался. Вторая механическая рука со свистом отделилась, оголяя его настоящие, человеческие предплечья в тонкой ткани подроспешника. Механический захват поймал Вендетту в воздухе и утащил ее за собой к ближайшей высотке, прижимая к стеклянному фасаду.

Шлем Доктора Гравити с резким лязгом раскрылся. Перед всеми предстало лицо Джона Гравити — бледное, искаженное предельной концентрацией. Он выставил вперед голые ладони.

Теперь это была не мощь костюма. Это была его собствен-

ная, биологическая сила, которую он черпал из каждой клетки своего тела. Рекламный щит, весивший несколько тонн, замер в паре сантиметров от крыши фургона. Воздух вокруг Гравити задрожал от напряжения.

— Беги! — прохрипел он, глядя на ребенка через лобовое стекло. — Быстрее, маленькая дура, уходи оттуда!

Его лицо стало пунцовым, на лбу вздулись вены, а из носа потекла тонкая струйка крови. Доктор сдерживал колоссальный вес, буквально вырывая его из лап земного притяжения. Каждая секунда стоила ему месяцев жизни. Девочка, наконец, очнувшись от оцепенения, выскочила из машины и бросилась прочь, в сторону метро.

В тот момент, когда она оказалась в безопасности, Гравити издал тихий, хриплый звук. Его человеческая правая рука не выдержала нагрузки. Раздался сухой, тошнотворный хруст кости, и конечность неестественно выгнулась в обратную сторону.

Механические руки, лишившись управления, мгновенно разжались. Эсквайр и Вендетта рухнули на асфальт. Рекламный щит с оглушительным грохотом раздавил фургон, подняв в воздух облако пыли и битого стекла.

Вендетта, едва коснувшись земли, бросилась к Всполоху. Она подхватила его очки, уцелевшие чудом, и нацепила на его лицо, помогая парню подняться. Тот лишь тяжело дышал, не в силах даже на язвительную шутку.

Эсквайр медленно поднялся, чувствуя, как мечи в его ру-

ках вытягиваются обратно в жилет, превращаясь в безобидную серебряную нить. Он подошел к Доктору Гравити.

Гигант лежал в обломках собственной брони, которая теперь казалась просто грудой дорогого лома. Джон Гравити был без сознания, его искалеченные руки безжизненно лежали на бетоне. Лицо его было бледным, почти прозрачным, лишенным той угрозы, которую он источал минуту назад.

Эсквайр смотрел на поверженного врага, и внутри него не было триумфа. Только странная, пустая тишина, в которой отчетливо слышался далекий вой полицейских сирен и стрекот вертолетов над городом, который только что узнал правду о своем будущем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.